

Мифология рождения в обрядовых практиках восточных славян

А.И. Темченко*

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, г. Черкассы, Украина

*Corresponding author. E-mail: temchen@ukr.net

Paper received 12.11.15; Accepted for publication 23.11.15.

Аннотация. Смысловые контенты обряда рождения варьируются в пределах бинарности «тот свет» / «этот свет» и производных от нее, связанных между собой значений: «не рожденный / рожденный», «нечистый / чистый», «чужой / свой», «закрытый / открытый». Рождение одновременно происходит в двух измерениях: мифическом / священном и будничном / телесном. Иерархические отношения верха и низа проявляются в очередности рождения, которое происходит «сверху вниз». Сначала сакральные покровители при помощи священных предметов открывают небесные врата, откуда выпускают «райскую душу». Аналогичные действия повторяются в обрядовых действиях.

Ключевые слова: роды, обряд, граница, телесный низ, открывание / закрывание

Важным событием в жизни семьи является рождение ребенка. Вместе с тем, оно сочетается с таинством и представляется сложным комплексом санкционированных обрядом разрешений и запретов, существенно влияющих на формирование архитектоники традиционной культуры. Кроме немногочисленных исследований, посвященных изучению мифологии родов [1], большинство научных трудов касаются пред / послеродового периодов [2]. Тем не менее, ключевое место в многообразии обычаев и обрядов, связанных с рождением, занимает момент появления на свет, который ограничивается коротким промежутком времени, а именно предродовыми схватками и непосредственно появлением ребенка на свет.

В отличие от других действий, связанных с первыми месяцами беременности и последующим вынашиванием ребенка, роды характеризуются максимальным ограничением роженицы от внешних контактов. Начиная от предродовых схваток и завершая рождением ребенка, другие члены семьи временно обретают статус «чужих». Соответствующая закрытость вызвана необходимостью защитить роженицу и плод → младенца от агрессивной внешней среды. Почти абсолютное ограничение является отличительной чертой рождения как обрядового действия от других лиминальных состояний. Ослабление этих табу происходит в ситуации, когда роды усложняются, родовые боли усиливаются, что проявляется в действиях с семантикой ослабления абсолютной закрытости путем открывания (дверей), развязывания (узлов), отпираания (замков).

Объектом предлагаемой статьи являются тексты заговоров на «облегчение родов», записанных в Полесье [3], а ее целью – изучение семантики обрядов, действие которых происходит в пределах оппозиции «закрывание / открывание». Тексты заговоров состоят с определенных смысловых элементов, которые формируют целостную картину обряда. Основными являются образы Царских / золотых ворот с золотыми замками, которые открывает золотыми ключами / перстами / устами Дева Мария, иногда Иисус Христос / святой Николай. Из этих ворот на свет появляются «дети Божьи» Адам и Ева. Следуя логике мифа, рождение ребенка возможно при условии своевременного открывания небесных врат / родовых путей, которое происходит параллельно в двух плоскостях – сакральном и земном.

Очевидно, что все эти образы так или иначе переказывают священную историю рождения Бога, а человек только наследует ее. Центральной фигурой, вокруг

которой формируется смысловая канва обрядовых текстов, выступает образ Царских врат: «Царские врата, откройтесь, Анны отверстия, растворитесь, на Сионской горе, на братанской земле Божья Мать ходила, золотыми устами, золотыми перстами, золотыми ключами, золотые ворота открывала и рабе Божьей Анне младенца на этот свет пускала»; «Пречистая Мамка по небу шла, в руках ключи несла, Царские врата открывала, грешные тела отворяла» [3, № 1, 2]. Образ «Царских ворот» соотносится с символикой верха / неба / света, который сравнивается с женским детородным органом – низом / темнотой, а именно с «Анны отверстия», «грешные тела». Соответствующие отождествления дают основания полагать, что во время родов телесный низ изменяет свой статус с – на +, приобретая признаки мифологического верха. В связи с этим физиологический процесс рождения, попадая в силовое поле обряда, воспринимается как сакральное действие, на что указывает сопоставление места, откуда рождается ребенок, с главной частью христианского храма. Семантику этого отождествления следует понимать как обрядовое очищение «нечистого» места и рассматривать в контексте оппозиций: «открывание / закрывание», «смыкание / размыкание», «развязывание / завязывание». Так, во время тяжелых родов отворяли окна / двери, развязывали узлы на одежде, размыкая тем самым замкнутое пространство и выпуская «на белый свет» младенца. Аналогичные обряды фиксируются у болгар: «Как открываются двери, так пусть откроется эта женщина». В русской загадке новорожденный также «выходит» через двери: «Какой зверь из дверей выходит, а в двери не входит?» [4, с. 25-29].

В исключительных ситуациях, когда открывание обычных дверей не помогало, шли в церковь, где открывали главные / первые двери — «Царские врата». В этом случае рождение ребенка стимулируется важнейшим событием в христианском мире, поскольку сопоставляется с рождением Христа. Очевидно, что открывать «Царские врата» / освободить родовые пути могут лишь святые, образы которых занимают центральное место в алтаре: «Иисуса Христа лицо беру, на помощь Пресвятую Девоньку прошу, приступите, помогите, райские двери прочините, прочини, Господи ход (имя) выйми раба Божьего младенца» [3, № 18].

Скорее всего, праобразом Царских врат в храме выступают мифические «райские» двери, через которые выпускают души на «этот свет», а телесным воплощением этих врат является женский детородный ор-

ган, который также «раскрывается» в назначенное время: «Юрьева мать по Сионской горе ходила, золотые ключи носила, ключи упустила, потеряла, ключи верните, найдите, у Марьи родовые воротца отчините» [3, № 16]. В этом аспекте просматриваются рудименты архаичных верований, о чем свидетельствует образ матери святого Юрия / Георгия Змееборца, который является воплощением дохристианского бога грозы. Аналогия ясна: как Юрий отпирает землю, вследствие чего она начинает плодоносить, так его мать отпирает родовые пути, в результате чего рождается «новая душа».

Отпирание райских ворот / родовых путей, откуда выходит «новая душа», так же, как открывание входа в алтарь, должно осуществляться с помощью ключей. «Мать Божья по церковке ходила, три золотые ключики носила. Первым ключиком ворота открывала, другим две души спасала. Первую – старую, другую – молодую» [3, № 4]. Появление образа ключей свидетельствует о том, что райские врата являются закрытыми для непосвященных и могут открываться лишь золотыми ключами или другим магическим способом, например, с помощью произношения соответствующего текста (зажытия) или выполнения обрядового действия (стука): «Ехал Иисус Христос на вороном коне, на золотом седле, ехал через золотой мост, и ударил копытами по золотому мосту и сказал: «Золотые замки, отомкните, золотые защелки, откройтесь» [3, № 14].

Мотив удара копытом по мосту (символ соединения / смыкания) сравнивается с обрядовыми ударами в двери / по порогу во время сватовства / похорон, где мост / двери / порог имеют значения предела / границы, которая таким образом, открывается. Следовательно, удар золотым копытом по золотому мосту превращает роженицу в мать, удары палкой сватов в двери – девушку в невесту, тройное касание гробом порога – умершего члена рода в прародителя. В сказках тотемные животные лебедь / волк превращаются / перерождаются в сакральные персонажи (царевну / царевича) после того, как «ударяются» о землю, и наоборот.

Золото является важным мифологическим признаком мотива открывания райских дверей / родовых путей. Так, золотыми (священными / солнечными / нетленными) являются ключи / замки / уста / мост. Вместе с тем, этот сакральный признак теряется, когда речь идет о бытовых действиях, не связанных с лиминальными состояниями, граничащими с жизнью и смертью. В частности, в загадках эротического характера образы ключа / замка соотносятся с женщиной, а ключ – с мужчиной [5, с. 122]. Двойная семантика образов ключа / замка в заговорах и загадках действует в пределах оппозиции закрывание / открывание или впускание / выпускание, где первое сопоставляется с оплодотворением, второе — с рождением. Закрывание является результатом правильного, регламентированного обрядом оплодотворения, тогда как во время родов происходит обратное, а именно открывание родовых путей, после чего женщина опять могла беременеть. Отличие между элементами этой оппозиции заключается также в том, что оплодотворение / впускание ассоциируется с животной природой, где женщина сопоставляется с коровой, а мужчина – с быком / жеребцом. Относительно рождения / выпускания такие «вольности» не

допускаются, беременность и роды держатся в тайне и освящаются присутствием наиболее статусных святых.

Необходимость исполнения текстов с семантикой отпирания предопределена тем, что состояние перед рождением мыслится как пребывание души на «том свете» / рае: «Святой Николай, бери ключи от рая отпирай белые кости, рождай младенца в целости» [3, № 27]. Обряд отпирания, который сначала осуществляет святой Николай, «регламентирует» правильное рождение и служит своеобразным «пропускным пунктом» в мир людей. Отсюда объяснение, почему во время родов запрещали употреблять блюда из злаковых культур, которые ассоциируются с осенью / жатвой и символизируют обратный процесс закрывания. В этом контексте они приобретают значение поминальных, что в свою очередь объясняет табуирование роста пшеницы в родильных текстах: «Рассеяла пшеницу, пшеница не взошла, а [взошел] розовый цвет, выходи, ангелочек на этот свет» [3, № 26].

Открывание осуществляется «святыми помощниками» и лишь дублируется на уровне обряда бабой-повитухой, которая озвучивает и проговаривает / упорядочивает правильную последовательность родов. Во время родовых схваток она произносит обрядовые тексты (голосовые ключи), которые напоминают, скорее, не молитвы, а инструктивные указания: «Коло девочка, так чешись, гребись, на этот свет явись, коли мальчик секись, рубись на этот свет являйся» [3, № 12]. Отрезание пупа на гребне, челноке / топоре является завершающим этапом обряда, поскольку окончательно разъединяет два тела (матери / ребенка) и «превращает» еще лишенный пола плод на «ее» или «его», моделируя основные социальные функции – девушка должна стать хозяйкой / пряхой, парень – хозяином / всадником / воином.

Важность правильного выполнения обряда «прихода» с «того света» прогнозирует не только физический и социальный статус новорожденного, но его правильный «отход» на «тот свет». В этом аспекте учитывается статус сакрального покровителя, который определяется бабой-повитухой во время родов, и будет «сопровождать» душу младенца от рождения до смерти: «Есть такие бабки, которые хорошие, и которые плохие, есть такая, что просит по-хорошему, крестится, молится, а есть такая, говорит что: «Помоги, черт, родить, будешь после его смерти в тулупе ходить». Чего получается, что один лежит спокойно, а другой ходит [после смерти]» [3, № 33]. В этом смысле обряды рождения обратно пропорциональны обрядам погребения, где также выполняют ритуальные действия / произносят тексты, которые не встречают, а провожают человеческую душу на «тот свет». Рождение младенца ассоциируется с возвращением ангельской души из рая, тогда как после смерти перспектива может быть обратной. Сам факт возвращения наталкивает на мысль о существовании архаических верований о переселении душ после их очищения огнем от земных грехов. Ср.: слав. grěxъ – «греть», связанное с *ghrēs – «падать», близкое к *groikso – «кривизна» [6, с. 456], поэтому представление об аде как огневой стихии может быть реликтом кремации в дохристианские времена.

Восприятия родов как состояния неопределенности между «тем» и «этим» мирами объясняет, почему

смерть ребенка / матери во время родов считается нечистой. Во многих текстах повитуха, принимая роды, просит Богородицу спасти / освободить души матери и ребенка: «Мать Божья первым ключиком ворота открывала, вторым две души спасала. Первую – старую, другую – молодую» [3, № 4]. Повитуха «принимает» роды, то есть является пассивным исполнителем воли небесного покровителя, поскольку лишь озвучивает его «разрешение» на открывание родовых путей.

Имена рожениц и младенцев, которые встречаются в текстах заговоров, типичны. Выбор имен не случаен, поскольку указывает на святых матерей – Анну / Марию и «детей Божьих» — Адама / Еву: «Царские двери отомкните, Адам или Ева на сей мир появьтесь»; «Были первые люди Адам, Ева и Мария Магдалина» [3, № 8, 152]. Называние женщин / детей этими именами «включает» механизм обряда, освящая место рождения и саму роженицу, дублируя священные события, позитивный результат которых очевиден. Называние младенцев именами первых / Божьих людей объясняется также тем, что с момента рождения до крещения ребенок еще пребывает в лиминальном состоянии. Имена Адама и Евы служат своеобразной гарантией их принадлежности к человеческому роду. Пристальное внимание к образу Адама в заговорах может свидетельствовать о существовании культа предков, души которых «возрождаются» в своих потомках, с чем связаны обряды называния мальчиков. Имя Адама отождествляется с первым предком, которого «знали» и которому «доверяли». В связи с этим к нему обращались во время заговаривания боли, то есть перенесении свойств мертвого / занемевшего тела предка, которое «не болит / не щемит», на живое тело потомка. Логика таких обращений объясняется тем, что апеллирование к мертвому должно быть дозированным, чтобы «умертвить» лишь больное место, поскольку его «передозировка» могла повлечь онемение здорового тела: «Молоденький месячек, болели мертвому зубы или не? Адама зубы не болели, кости не скрипели» [3, № 492].

В связи с тем, что рождение максимально защищено обрядом («легитимный» переход с «того» в «этот» свет), аналогичную ситуацию создавали во время лечения опасных детских болезней (угроза преждевременного / «нелегитимного» перехода из «этого» на «тот» свет). Моделирование повторного рождения «включает» защитный механизм обряда, поскольку делает невозможным обратный ход событий. Во время лечения производили магические действия, похожие на те, которые выполняли во время родов, но с тем отличием, что функцию священных атрибутов приобретали их дублиры (принцип аналогии актуализировался лишь в момент проведения обряда). Например, вместо Царских / золотых врат открывали обычные двери. В этом аспекте рельефнее проявляются архаичные верования, связанные с порогом. При «переходе» (эпиплессии) или испуге ребенка размещали на пороге «в позе рождения» — головой вперед / ногами назад (ногами вперед выносили покойника), через которого потом переступали, имитируя открывание дверей: «Под порог клали да переступали [через порог на двор] (дом / утроба → двор / внешний мир): «Чем мать родила, тем отходила» [3, № 87]. Переступание через больного ребенка (его временное разме-

щение «между ногами») должно осуществляться лишь родной матерью, что является обрядовым аналогом момента рождения (выхода на «белый свет»). Ср. с распространенным табу на переступание детей чужими, телесный низ которых, в отличие от материнского, является «нечистым» / вредным, поэтому может быть причиной прекращения роста.

Важным элементом сакральной атрибутики родильного обряда является стол, который отождествляется с церковным престолом, где осуществляется жертвоприношение Тела и Крови Христовых в виде хлеба и вина. Перед схватками роженица имитировала действия священника во время богослужения, а именно трижды обходила вокруг стола / престола, после чего прикладывалась к Образу Спасителя: «Последние боли берут – я сама вокруг стола ходила, икону сама целовала, молитву сама себе читала» [3, № 24]. Вследствие этого роженица вроде бы очерчивает обрядовое пространство, центром которого является стол. Таким образом, создается воображаемая граница, которая защищает роженицу вместе с новорожденным. В пределах этого пространства начинают действовать сакральные значения стабильности, нерушимости и плодородия, которые генерируются его центром (столом). В связи с этим естественная потеря «тела» / крови во время родов, воспринимается как жертвенная, то есть угодная Богу: «Как Иисус Христос муку принимал, так принимает родильница, как Иисус Христос воскрес, так родильницу Господь простил» [3, № 28]. Ощущение стабильности является необходимой эмоциональной подоплекой лиминальных обрядов, которые сопровождают переходные моменты жизни человека, что объясняет обрядовое применение стола как «воплощение» такой стабильности / нерушимости. Это объясняет связь начала и завершения жизни (рождение и смерть) с символикой стола. Например, в Харьковской губернии на второй / третий день после крестин существовал обычай «ходить (сидеть) в рай», в процессе которого обходили вокруг стола или сидели за столом [7, с. 16]. До нашего времени остаются актуальными поминальные застолья непосредственно после погребения, на девятый, сороковой день и годовщину.

В этом контексте понятными становятся отдельные запреты, регламентирующие поведение за столом. Например, «нельзя угощать на не застеленном столе, особенно девушку, иначе голова ее будет лысой» [8, с. 24]. Первая часть ритуального запрета построена по принципу ассоциации: не застеленный / пустой стол, выпуклость которого сопоставляется с признаком беременности, ассоциируется с не оплодотворенным / пустым лоном и непокрытой / «не застеленной» головой девушки. Вторая часть описывает следствие нарушения запрещения, поскольку отсутствие волос служит признаком импотенции / бесплодия. Появление телесной выпуклости как знака беременности напоминает мифологический мотив первородного острова / мирового дерева в начале творения мира. Аналогичным способом охранялось место рождения, которое застилали покрывалом со стилизованными изображениями мифических рожениц, визуально напоминающих мировое дерево, которое должно защитить родильницу.

Вывод. Смысловые контенты обряда рождения варьируются в пределах бинарности «тот свет» / «этот свет» и производных от нее, связанных между собой значений: «не рожденный / рожденный», «нечистый / чистый», «чужой / свой», «закрытый / открытый». Обряд предполагает очищение «нечистого» места на момент родов, которое завершается окончательным очищением / крещением, а также защитой младенца, пребывающего в пограничном состоянии (не имеющий определенного пола / «невидимый и неслышимый» плод стае «видимым и слышимым» мальчиком / девочкой). Кроме этого, после родов происходят физиологические трансформации женского организма, изменяется также социальный статус матери.

В целом рождение одновременно происходит в двух измерениях: мифическом / священном и будничном / телесном. Если следовать логике мифа, главное собы-

тие / первое рождение уже состоялось и лишь повторяется грядущими поколениями, что объясняет название еще не рожденных младенцев Адамом и Евой. Иерархические отношения верха и низа проявляются в очередности рождения, которое происходит «сверху вниз». Сначала сакральные покровители при помощи священных предметов в назначенное время открывают «райские» / небесные врата, откуда выпускают «райскую душу». Аналогичные действия выполняются на земле (во время тяжелых родов открывали Царские врата). Когда начинаются родовые схватки (душа просится «на свет Божий»), повитуха (дублер покровителя) развязывает узлы и открывает двери (подражает открыванию райских ворот) и произносит заговоры (инструктирует плод / младенца), освобождая таким образом родовые пути (аналог «райских врат»).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. Культурологии : спец. 24.00.01 «Теория культуры» / Белоусова Е.А. – М., 1999. – 21 с.
- [2] Ігнатенко (Колодюк) І. Народні ембріологічні уявлення українців // Народна культура українців: життєвий цикл людини : історико-етнологічне дослідження у 5 т. – К., 2008. – Т. 1. – С. 3–12; Боряк О. Творення дитини як семіотичного феномена // Народна культура українців: життєвий цикл людини : історико-етнологічне дослідження у 5 т. – К., 2008. – Т. 1. – С.13–30; Тело в русской культуре. – М., 2005. – 399 с; Тіло в текстах культур. Студії з культурної антропології. – К., 2003. – 222 с.
- [3] Полесские заговоры (в записях 1970-1990-х гг.). – М., 2003. – 752 с.
- [4] Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Дверь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – М., 1999. – Т. 2. – С. 25-29.
- [5] Етнографічні записи Якова Демченка 1857-1858 р. // Україна, 1930. – Книга 1. – С. 89-129.
- [6] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986. – Т. 1. – 576 с.
- [7] Топорков А.Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985. – С. 223-242.
- [8] Повір'я / Упор. вст. ст. М.К. Дмитренко. – К., 1992. – 48 с.

REFERENCES

- [1] Belousova, E.A. Representations and beliefs related to child-birth: a modern urban culture: Author. Dis. for the scientific. PhD degree. Cultural Studies: spec. 24.00.01 «Theory of Culture» / Belousova E. A – M., 1999. – 21 p.
- [2] Ignatenko (Kolodyuk) I. Folk embryological views of Ukrainians // Ukrainian Folk culture: living cycle of man : historical and ethnological research at 5 t. – K., 2008. – Vol. 1: Children. Childhood. Children's subculture. – P. 3–12; Boryak O. Creation of the child as a semiotic phenomenon // Ukrainian Folk culture living cycle of man : historical and ethnological research : at 5 t. – K., 2008. – Volume 1: Children. Childhood. Freedom subculture. – S.13–30; The body in Russian culture: Sat. articles. – M., 2005. – 399 p.; Body in the texts cultures. Cultural anthropology studies. – K., 2003. – 222 p.
- [3] Plots in Polissia (the records of 1970-1990-ies.). – M., 2003. – 752 p.
- [4] Vinogradova, L.N., Tolstaya, S.M. Door // Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary: 5 m. – M., 1999. – T. 2. – P. 25–29.
- [5] Etnografichical records of Jacob Demchenko 1857–1858 // Ukraine. 1930. – Book 1. – P. 89 – 129.
- [6] M. Fasmer. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 v. – M. – T. 1. 1986. – 576 p.
- [7] Toporkov, A.L. The origin of the elements of table etiquette Slavs // Ethnic stereotypes of behavior. – L., 1985. – S. 223–242.
- [8] Plots / M.K. Dimitrenko. – K., 1992. – 48 p.

Mythology of the birth in the ritual practices of the Eastern Slavs

A. Temchenko

Abstract. Semantic contents of the ritual of birth vary between binarities «that world»/ «this world» and their connected derivatives «unborn / born», «unclean / clean», «several / another», «indoor / outdoor». The birth takes place simultaneously in two dimensions: the mythical / sacred and everyday / solid. The hierarchical relationship of top and bottom are shown in order of birth, which is a «top-down». First, sacred patrons using the sacred objects are opening the gates of heaven, where the release «heavenly soul». Similar actions are repeated in ceremonial activities.

Keywords: birth, ritual, border, solid bottom, opening / closing